

ОТ КОМАНДНОЙ ЭКОНОМИКИ К РЫНОЧНОЙ: ЧТО ДЕЛАТЬ?

(Публикуемый текст воспроизводит часть беседы, состоявшейся в январе 1991 г. между почетным профессором философии Лондонской школы экономики при Лондонском университете Карлом Поппером и английским политологом Джорджем Урбаном.)

Урбан: За крахом коммунистической системы в Центральной и Восточной Европе последовали лихорадочные поиски чего-то, что могло бы прийти ей на смену. Все стороны согласны, что самые вероятные кандидаты на эту роль — либеральная демократия и экономика свободного рынка. И действительно, в Польше, Чехо-Словакии и Венгрии либеральные реформы уже проводятся в жизнь. Тем не менее отсутствует согласие относительно одной ключевой детали — если это вообще можно назвать деталью — а именно, как должен осуществляться переход от командной экономики к рыночной: посредством постепенных реформ или путем внезапного и широкомасштабного преобразования.

Люди, следившие в течение двух последних десятилетий за неудачами частичных и постепенных экономических реформ и ограниченной социальной инженерии¹ в Югославии и Венгрии, сегодня утверждают, что новым демократиям Центральной Европы необходимы быстрые и всеохватывающие перемены, даже если приход рыночной экономики какое-то время будет сопровождаться значительной безработицей и социальной нестабильностью. Эту точку зрения разделяют консервативные экономисты и политики Запада, полагающие, что чары шведской и австрийской моделей не должны вводить в заблуждение новые демократии и заставить их поверить в возможность какого-то промежуточного состояния между социализмом и свободной рыночной экономикой. Другими

словами, сторонникам частичных экономических и социальных реформ сегодня приходится держать почти круговую оборону, в то время как сторонники радикальных перемен идут в наступление на большинстве фронтов.

Я вполне понимаю, что для вас "ограниченная социальная инженерия" была прежде всего понятием социологическим. В нем вы видели адресованное демократическим капиталистическим обществам предупреждение, что их поиски лучших общественных институтов должны быть эмпирическими и постепенными. Но теперь уместно спросить: согласны ли вы столь же настоятельно рекомендовать тактику ограниченных реформ и умеренной социальной инженерии, если речь идет о движении в *противоположном* направлении? Следует ли странам, испытывающим сегодня муки перехода от социализма в советском духе к свободной рыночной экономике и либеральной демократии, двигаться вперед лишь мелкими шажками, или же вы посоветуете им сразу, "холистически", ринуться в объятия капиталистического свободного предпринимательства, исходя из той логики, что произведенные советской системой опустошения столь глубоки, что к успеху привести смогут лишь самые радикальные решения?

Поппер: Думаю, вы меня не совсем правильно поняли. Речь идет не о замене одной социальной и экономической системы другой, но о том, чтобы научиться рассуждать в совершенно иных категориях. Мы должны свыкнуться с мыслью, что наши поступки влекут за собой непредвиденные и не отвечающие нашим первоначальным замыслам последствия. Поэтому для политиков и социальных планировщиков бессмысленно изобретать остроумные теоретические программы и затем жаловаться на их неудачи. Они должны с самого начала исходить из того, что даже самая, казалось бы, застрахованная от ошибок конструкция может оказаться ошибочной, и что их задача как раз в том и состоит, чтобы методом проб и ошибок выявить ее потенциальные слабости и дефекты. Медленное, эмпирическое движение — это как раз то, что здесь нужно.

Урбан: Как вы пишете в своих книгах, в этом и должен состоять наш подход к исправлению социальных и экономических сбоев в системе свободного рынка. Но ведь сейчас самая неотложная наша проблема состоит как раз в обратном: как трансформировать унаследованные от прошлого утопические и холистические коммунистические системы в системы либеральной рыночной экономики? Считаете ли вы все еще, что тактикой реформаторов в Восточной Европе и в СССР должны быть медленные и частичные изменения, направленные в конечном счете к созданию чего-то вроде шведской социал-демократии?

Поппер: Именно так. Но позвольте мне сперва сказать вот что: холистическая идея потерпела в Советском Союзе очевидное и необратимое крушение. Начиная все заново, государство способно добиться немногого, но все, что оно может сделать, должно быть им сделано. И первая его задача — это создание правовой основы для рыночной экономики.

Урбан: Это в точности то, что пытаются делать в Польше, Чехо-Словакии и Венгрии, а также в тех землях, которые раньше составляли ГДР — посмотрим еще, насколько успешно.

Поппер: Однако в Советском Союзе правовая реформа все еще пребывает в младенчестве. Это должно измениться. Сами реформы нельзя ввести посредством декретов — народ и никто иной должен проявить волю к тому, чтобы построить рыночную экономику и научиться уважать частную собственность, включая и собственность на землю. Все это может потребовать очень долгого времени. Я не могу удержаться от смеха, читая об открытии в Советском Союзе фондовой биржи — и это тогда, когда в стране практически отсутствуют частные компании и нет ни акций, ни банков, способных осуществлять операций с ними. В равной мере меня пораживает нежелание властей допустить "черный" рынок.

Должны же они понимать, что он "черен" лишь потому, что для "белого" рынка в стране просто-напросто не достаает товаров. Увеличьте их производство — и тогда ваш черный рынок станет серым, а затем и белым. Но запрещать черный рынок — это все равно, что выбрасывать термометр из страха обнаружить у себя высокую температуру.

Урбан: Многие из этих идей уже вылетают из колчана советских реформаторов-интеллектуалов, особенно членов городских советов Москвы, Ленинграда и других главных центров. Вряд ли ваша критика их особенно бы удивила.

Поппер: Если людям в Советском Союзе следует от чего-то отказаться целиком и полностью, так это от любой амбиции построить совершенное общество. Эта задача попросту неосуществима, с какой стороны к ней ни подходить — справа или слева. Доказательства того, что коммунистическая мечта ведет как к тирании, так и к бедности, накопились уже в избытке. Но нелепо видеть чудо чудное и в капитализме — вне всякого сомнения, это не модель совершенного общества или достойного существования. Среди капиталистов можно встретить не меньше преступников, чем среди бедняков. У нас в Англии сейчас имеется отличная коллекция капиталистических предпринимателей, отбывающих тюремные сроки — не за то, что они были капиталистами, а за то, что нарушали законы. И если какая-то страна привязывает свою колесницу к капиталистической экономике, то с ее стороны было бы наивным ожидать, что из этого впоследствии режим рыцарей без страха и упрека и абсолютно безупречных сделок.

Жителям бывших коммунистических государств ни в коем случае не следует грубо разрушать свою индустриальную систему. Перемены требуют времени, зачастую очень большого. Рабочим и служащим на заводах и фабриках нужна работа; они производят то, в чем имеется потребность, даже если их изделия и не отвечают международным стандартам. Лишь когда исчезнет

спрос на их продукцию, а росту безработицы можно будет противопоставить альтернативное трудоустройство и расширенную систему социального обеспечения, настанет время для постепенного избавления от "социалистических" предприятий старого типа.

Урбан: Другими словами, радикальным преобразованиям вы предпочитаете постепенную социальную инженерию даже в тех случаях, когда речь идет о переходе от тоталитарной системы к обществу, основанному на свободном рынке и парламентаризме.

Поппер: Нет, это не совсем так. Командные структуры должны исчезнуть, но эта перемена должна быть естественной и постепенной. Начать следует с создания нового правового фундамента — его можно частично скопировать с западных моделей, но даже это потребует огромных затрат труда и времени, поскольку буквально каждую статью нового законодательства нужно будет проверять на практике и подгонять к русским традициям и общественному мнению. Затем придется позволить не самым нужным и неконкурентоспособным отраслям промышленности как можно быстрее самоликвидироваться в процессе естественного износа, одновременно привлекая иностранные инвестиции и технологии.

Но при этом следует оставаться настороже: раскрывая коммунистическую систему, вы тем самым делаете нечто революционное, распахивая двери для каждого со свежими идеями или с желанием испробовать новые способы продвижения себя и отстаивания своих интересов. Этого нельзя добиться без осложнений. Следует приготовиться к коррупции и на верхних, и на нижних этажах общественной структуры. Непременно появятся удачливые дельцы, которые заработают большие деньги на русской бедности, а потом благополучно убегут со своими богатствами куда-нибудь в Латинскую Америку.

Урбан: Это тот вид свободного рыночного предпринимательства, в котором уже успешно лидирует Польша.

Поппер: Для того, чтобы удержать эти злоупотребления в разумных границах, придется ввести более строгие законы, заново создать силы охраны порядка, сформировать подразделения по борьбе с наркотиками и т.п., как это уже делается на Западе. Пусть никто на востоке Европы не тешится мыслью, что капитализм удастся построить без того, чтобы на свет появились все эти малоприятные сопутствующие явления. Но пока все это будет происходить, нужно будет продолжать поддерживать в порядке ветшающие устаревшие заводы и фабрики и все то, что нужно для их нормальной работы. Это придется делать долго, возможно в течение половины столетия — до тех пор, пока они окончательно не станут из-за того, что никто больше не захочет покупать их продукцию. Это и есть дорога к исчезновению коммунизма — его не изжить простым разрушением за одну ночь.

Урбан: Теперь вы исчерпывающе ответили на мой вопрос. Итак, ограниченная социальная инженерия желательна для движения в *обоих* направлениях — утверждение, сильно расходящееся с мышлением радикальных реформаторов на Востоке и поддерживающих их западных политиков.²

Но если при реформировании командной экономики осторожность является добродетелью, то не справедливо ли то же самое по отношению к реформированию сил охраны порядка, аппарата идеологического контроля, юриспруденции, системы образования и тому подобное? К чему тогда спешить с десталинизацией?

Поппер: Дело в том, что государство способно создать правовую структуру, но в дополнение к этому оно мало что может сделать. Не в его силах сделать неподкупными судей или заставить полицейских безусловно выполнять свои служебные обязанности. Не может оно и родить на свет изобретательных и предприимчивых капиталистов или вдохнуть дух взаимной терпимости в многопартийную политику. Оно не может в приказном порядке ввести мудрость и добродетель.

Урбан: Означает ли это, что "Если сомневаешься, воздержись"? Иначе говоря, утверждаете ли вы, что лучше пытаться сохранить какие-то устои старой системы, ибо альтернативой ей может быть анархия? И не вытекают ли отсюда аргументы в пользу сохранения авторитарной формы социализма?

Поппер: Вы слишком вольно интерпретируете мои слова. "Пытаться сохранить" — это в данном случае неудачное выражение, потому что, нравится это нам или нет, старое все равно *существует* и его нельзя изменить одним росчерком пера. Я нахожу в высшей степени вероятным, что для завершения первой стадии перемен России понадобится пятьдесят или более лет.

Урбан: Ваши слова сильно расходятся с теми рекомендациями, которые получают от нас наши недавно освободившиеся друзья в Центральной Европе. Ведь наш главный совет состоит как раз в том, что необходим быстрый и радикальный разрыв с советской экономической системой, поскольку все опробованные раньше промежуточные решения вели к плачевным исходам — в качестве примеров мы ссылаемся на югославскую систему рабочего самоуправления и на Новый Экономический Механизм, введенный при Кадаре в Венгрии. К тому же восточноевропейские и советские реформаторы и сами настаивают на том, что наибольшая опасность кроется именно в полумерах, в попытках как-то "вывернуться", в стремлении поженить идеологию коллективизма с частной инициативой. Польское правительство уже отвергло этот тип "ремонтирующих" реформ. То же самое сейчас делают венгры, чехи и словаки, да и в Советском Союзе от них отстают ненамного, по меньшей мере в теории. Непохоже, чтобы кто-либо из них согласился с тем, что вы только что сказали.

Поппер: Тот, кто задает неправильно сформулированные вопросы, неизбежно получает и неверные ответы. Сменить ли мне сразу всю одежду или снять одни лишь

брюки? Это же чепуха. Ход вещей нельзя изменить по приказу. Можно ли произвести на свет людей с большими деньгами, которые смогли бы действовать в качестве частных предпринимателей? Можно ли одним махом создать людей, готовых идти на деловой риск? Или судей, не берущих взятки, или учителей, желающих и способных отказаться от старой идеологии и от всего того, что содержалось в коммунистических учебниках? А что сказать о смехотворной программе реформирования советской экономики за "500 дней"? Процесс реформирования должен развиваться эмпирически, причем буквально на каждом шагу нужно сверять все изменения с доминирующими в это время реалиями.

Урбан: Но не станете же вы защищать, например, постепенные перемены в коммунистической системе образования? Лично я считал бы ее естественной мишенью для быстрых, беспощадных и "холистических" преобразований. В Центральной Европе имеются учебники, объявляющие Мартина Лютера предшественником социалистической системы в бывшей ГДР; есть и другие, навязывающие читателю поистине орвелловское видение всей человеческой истории. Следует ли нам идти на компромиссы с ложью?

Поппер: Многие из издающихся в ФРГ книг по истории тоже не служат образцами истинны...

Урбан: Но вы согласитесь, что с духовным тоталитаризмом в советском стиле должно быть покончено раз и навсегда?

Поппер: Конечно, если только это возможно. Но ведь реформы в сфере образования всегда особенно трудны. Здесь множество сложностей, поскольку прежде, чем реформировать преподавание, необходимо переучить преподавателей.

Семьдесят лет коммунизма — это наследие, от которого трудно избавиться, даже если вы исполнены абсолютной

решимости этого добиться. Люди в Советском Союзе дезориентированы. Обжегшись на коммунистической утопии, они теперь вообразили, что капитализм — это земной рай. Конечно, они трагически ошибаются. Я убежден, что наши западные общества воплощают райский идеал в большей степени, чем все, что мы до сих пор наблюдали в истории, но позвольте мне уж сразу заявить, что до райских ворот нашим капиталистам предстоит пройти еще очень долгий путь. Когда — и если — русские получат свой капитализм, они будут обречены на сильнейшее разочарование, так как это не будет богатый капитализм. То, чего они так страстно желают, — капитализм супермаркетов — останется недоступным им. Разумеется, вполне понятно искушение связать свои мечты с будущим капитализмом: "Мир супермаркетов создается не коммунизмом, а капитализмом. Так почему же этот мир недоступен для нас?" Но это опасные мечтания, и когда жизнь покажет их неосуществимость, массы могут прореагировать на это весьма резко.

Урбан: Таким образом, наша политика подталкивания Советского Союза к решительному и быстрому разрыву с "социализмом" — это в свою очередь холистическое и утопическое планирование, которое не может привести к успеху?

Поппер: Вот именно. Нам следует призывать жителей этой страны как раз к обратному. Мы должны сказать им: "Вам придется примириться со своей системой до тех пор, пока на смену ей естественным путем не придет какая-то иная система." Это все, что можно сделать сегодня, и считать иначе значило бы проявлять безответственность. Нам пришлось трудиться очень долго, чтобы получить свои супермаркеты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В книге "Нищета историзма" (Karl Popper. *The Poverty of Historicism*, sec. ed., London, Routledge and Kegan Paul, 1960, pp. 64-70) Поппер объясняет, почему именно "ограниченная социальная инженерия" предпочтительнее "холистической", или "утопической инженерии". В этой работе Поппер показывает, что нужно решать социальные проблемы и создавать общественные институты не в соответствии с какой-то "всеобъемлющей схемой", но осторожно и постепенно, в процессе проб и ошибок. Те, кто пытается перестроить общество согласно "определенному плану или проекту", рискуют, как показывает советский и восточноевропейский опыт, в итоге прийти к деформированной общественной структуре, дефекты которой лишь крайне медленно и с огромным трудом поддаются исправлению. Что же касается действующего в духе "постепенности социального инженера", пишет Поппер, то в его намерения, напротив, входят только постепенные улучшения, "небольшие подгонки и переделки, допускающие непрерывное совершенствование... Он знает, что мы учимся только на своих ошибках. Поэтому он будет продвигаться вперед лишь шаг за шагом, тщательно сравнивая запланированные результаты с достигнутыми и постоянно ожидая от любой реформы тех или иных нежелательных, но неизбежных последствий."

² См., например, интервью с известными западными наблюдателями в: Keith Bush. *From the Command Economy to the Market*. Dartmouth Publishing Co., Aldershot, England, 1991.